

В. Н. ИВАНОВ

Воскресение и жизнь

Древний мир говорил прямо и определенно:

— Человек смертен. Все в мире смертно. Живой погонщик мулов счастливей мертвого Ахиллеса!..

Одиссей Гомера слышит иногда вещие слова из Аида:

Но такова уж судьбина всех мертвых, расставшихся с жизнью!
Крепкие жилы уже не связуют ни мышц, ни костей их;
Вдруг истребляет огонь погребальный все,
Лишь горячая жизнь охладелье кости покинет...
Вовсе тогда, улетевши, как сон, их душа исчезает.

Что же остается человеку?

И выразительно и простодушно говорит царь Алкиной:

— Любим обеды роскошные, пение, музыку, пляску.
Свежесть одежд, сладострастные бани и мягкое ложе.

При такой формулировке жизни, конечно, действительность с ее чувственными развлечениями выступает на первый план. Человек жив, пока он вообще жив, пока он под солнцем. А посему нужно брать от жизни все то, что дает этот свет. Так возникает несомненный материализм древних в смысле миро- и жизнепонимания.

Однако Гораций указывает, что по улицам Рима однажды бегал человек, который восклицал как безумный:

— Не хочу умирать! Не хочу! Боги, даруйте мне бессмертие!

Этот поразительный пример указывает, что древний мир поставил проблему бессмертия. Человеку мало было этого мира, мало хорошей пищи и хорошего бытия. И это в том случае, если человек даже имел их. А если он не имел?

На смену древнему миру и пришло христианство, пришел Христос, «Бог бедных», несущий утешение тем, кто не имел никакого утешения в этом мире.

И христианство поставило важную проблему:

Оно осознало несовершенство этого мира. Оно заявило протест против этого несовершенства. Есть другой мир! Мир горний, мир небесный!

Часть христианства устремилась в мистику этого мира, мира горнего, загробного. По древнему миру пронесся особый насмешливый клич:

— Христос — не Бог живых. Он — бог мертвых...

Подтверждением этому было то, что христиане совершали первые обряды свои на тех местах, где лежали кости их мучеников, почитаемых ими вождей. Отсюда до сих пор сохранилось у нас почитание мощей.

Но эти богослужения на могилах, на подземных кладбищах были как раз не прославлением смерти, а прославлением жизни. Люди избранные, люди, проявившие себя христианской волей и христианским деланием, — люди святые — то есть «светлые», «праздничные» — ср. «святки» — они не умерли, не пожраны смертью. Они живут и действуют среди нас.

Горациевский римлянин мог получить в христианстве первый ответ на вопрос, который остро прозвучал у него в ночи язычества.

Но если кругом была ночь, если кругом был мрак, то, стало быть, мир реальный — был несовершенен. Что было делать с ним?

И опять разделилась человеческая река. Одна струя ее направилась на борьбу против мира, на борьбу с телом. Она ушла в аскетизм, в «монашество», то есть, буквально, в одиночество. Она умерщвляла свое тело в великих подвигах в пустыне.

А другая — выступила на борьбу с этим миром. Раз он плох — надобно его исправить. Святой Августин возвестил новый принцип:

— На земле должен быть построен не земной град, а город Божий. Человечество не праздно живет на земле, а оно занимается делом. Оно улучшает этот мир.

Так родилась на земле История, и это все целиком заслуга христианства.

История в древнее время была просто памятью о прошедшем. История в наше время стала конструктивной доктриной, культурой. Мы живем не теперешним днем и только им.

Мы живем прошлым нашей страны, связывая себя с ним, чувствуя на себе ответственность за его исчезнувшие несовершенства.

Мы живем будущим, поскольку мы хотим воплотить в нем наши идеалы.

Наконец — мы живем настоящим, поскольку считаем, что это настоящее дает нам время для труда для будущего.

Несмотря на то, что современность идет под знаком науки, она идет и под знаком христианской морали. Идеал царя Алкиноя, упомянутый выше, не подходит к нам; нашему времени скорее ближе трудовое подвижничество, аскетического, новофиваидского типа, которое заставляет людей гореть в трудах, имеющих значение не только для них — «заработок», — но и для всех других лю-

дей. Мораль все больше и больше врезывается в наше современное государство, заставляет его менять свои формы.

И если мы спросим, привилась ли в современности идея бессмертия, принесенная христианством, — то мы должны ответить на это положительно:

— Да, привилась. Постольку, поскольку современный человек творит историю, — он уже выходит из рамок личного существования, он расширяет свою личность до бессмертия.

Далее, наука, которая гигантскими шагами идет вперед в наше время, говорит все больше и больше, что — смерти нет.

Косная, неподвижная и т. п. материя — распадается в современных теориях в потоки сил неизвестного и абсолютно бесконечного происхождения. Пространство, которое ранее было признаком реальности, — само утрачивает свое абсолютное значение. Биологическая клетка — бессмертна. Индивидуальность человека, замкнутая в пространственную косную единицу, — расширяется и в пространстве и во времени. И недаром появляется в русской мысли такая огромная фигура, как Н. Ф. Федоров, который говорит, что именно наука, путем ознакомления с силами природы, с силами, скрытыми в мире, — сможет восстановить нас умерших, добиться царства бессмертия.

— Воскресение мертвых — вот цель, которую ставит себе наука, по мысли этого русского философа.

Таким образом, тот вопль, который прозвучал на улицах Рима, — нашел себе отклик почти через 2000 лет из тихих комнат Румянцевской библиотеки, где работал библиотекарем Федоров.

Таков ход идеи бессмертия, пути проявления ее в мире.

* * *

Характерно, что именно русский философ заговорил о бессмертии.

Нам, русским, близка эта идея. Родна. Понятна.

Запад первым чтит из христианских праздников — Рождество. Наследники римской культуры и римской традиции, западные люди — глубокие реалисты. Для них Божество приходит в этот мир. Рождается в него. Посещает, как пишут немецкие художники, эти самые человеческие дома, не разрушившиеся, крепкие, которые стоят сотнями лет.

Христос — в виде современного плотника, Христос — идущий по улицам современного города, Христос, работающий на жатвенной машине, — вот сюжеты этого европейского творчества.

Европа в ее устремлениях чрезвычайно консервативна. Еще Чаадаев отметил, что Европа — вся из камня, из гранита, прочна, несокрушима. Говорил это и Лев Тихомиров. Говорил и Розанов.

И Рождество приносит свою Звезду в синий уютный вечер именно в этот город, рассыпает ее по ветвям уютной, сверкающей елки. И Пасху иностранцы празднуют как-то вяло, не захватывающе. Не веря в ее значение.

Для русских же первым праздником является Пасха, Пасха светлая, солнечная, яркая, ясная.

Пасха — это утверждение жизни. Утверждение истории. Смерть смерти.

Если и Запад утверждает Историю, то он утверждает ее как-то необычайно туго. Все останется на месте так, как есть, без особых изменений. Будут только усовершенствования, небольшие переделки.

— Новую Землю и Новое Небо хочет видеть в истории русское православие. Русское православие — апокалиплично. Оно чует бурю времени.

Особым, волевым восприятием чувствует русский народ бессмертие, он не консервативен так, как консервативна Европа в сохранении своих вещей. Русский человек консервативен в силе стремления своего духа.

Западный человек — консервативен во времени. Русский шагает во времени к окончательным временам.

Отсюда его несколько пренебрежительное отношение к авторитету еще несовершенной науки, чисто евангельское.

— Античная традиция доселе держит Европу, а как свидетельствует апостол Павел, «эллины ищут мудрости» (Кор., 1, 22), то есть науки, доказательства, определения в понятиях.

— Это и не то нигилистическое отношение к науке, которое тот же апостол свидетельствует у иудеев:

— Иудеи требуют чудес.

А христианство проповедует, говоря следующими словами послания, — «Христа распятого, что для иудеев — соблазн, а для эллинов — глупость. Не в словах человеческой науки моя проповедь, — говорит апостол Павел ([Кор. 1,] 2, 4), — а в явлениях духа и силы».

Вот этот-то порыв «духа и силы» и хранит всегда в себе на все времена — русская культура.

* * *

Пасха. Удивительный праздник, который поражает тех, кто не русский. Весенний ясный день, раннее подымающееся утро, крестный ход вокруг церкви, свечи, светлые ризы духовенства, цветы — эти символы просыпающейся природы, льющийся «благост» — слово-то какое!.. И радостный крик при встрече:

— Христос Воскресе!

И объятия от радости.

Подумайте, если бы вы потеряли бы кого-нибудь близкого, родного, дорогого — вроде матери, и вдруг — услышали весть с «кладбища», в самом звуке которого слышится мрак, сырость, отчаяние:

— Мама воскресла!

И родной, оторванный было навсегда от вас человек, исчезновение которого оставило в вашей душе навсегда кровоточащую рану — вплоть до вашей смерти, — вдруг явился бы оттуда, с кладбища!..

Но уже не таким, как раньше, не тем земным темпом, которым идет мир, а другим, особым, созданным для вечности, усиленным, сияющим, просветленным...

А ведь это было так когда-то, 1934 года тому назад в Иерусалиме.

— Было! Воскрес человек Иисус!

— Не верите? Почему? Не «научно»?

— Нет, это уже не наука, согласно которой это «не научно». Наука — великая, апокалиптическая сила, которая двигает миром. И она-то говорит — да, современная наука говорит это:

— Да, возможно!..

А если это возможно — то ведь нам ничто не страшно в этом мире!.. Ибо самое-то страшное, ради чего мы делаем многое, — и есть смерть.

— Как бы не умереть с голоду...

— Как бы не пострадать...

Мы бедны со смертью. Велики, богаты, смелы с бессмертием.

И в пасхальный, сияющий день звучат нам слова Христа:

— Не бойся, малое стадо, ибо Я победил смерть. Я — путь, истина, жизнь!..

Какими путями ни шло бы человечество, но оно всегда идет по этому компасу, вечно обращенному к Полярной Звезде мира и жизни.

— Ибо что ж, — спрашивает апостол Павел, — если некоторые и неверны, то неверность их уничтожит ли верность Божию? (Рим. 3, 3). Какие зигзаги бы оно ни выписывало — все же ему нужно одно:

— Боги, дайте мне бессмертие! — как кричал «безумный» римлянин.

На этот вопрос христианство уже ответило ясно, просто и радостно.

— А Христос-то уже воскрес!..

Но пока этого знать нельзя. В это можно пока только верить. Но — только пока.

